

УДК 622.014.014.2.2(470.5)(091) + 342.5(091)

М. А. Киселев

ПРОЕКТ ГОРНОГО И ЗАВОДСКОГО УСТАВА В. Н. ТАТИЩЕВА: ОТ ЗАМЫСЛА ДО РЕАЛИЗАЦИИ

Реконструируется история создания памятника политической и правовой мысли России XVIII в. — проекта Горного и заводского устава, подготовленного В. Н. Татищевым. Анализируются специфика воплощения проекта и причины его неудачной реализации. Демонстрируется связь проекта с представлениями о государстве как идеальном механизме.

Ключевые слова: В. Н. Татищев; промышленное законодательство; российская политическая и правовая мысль XVIII в.; регулярное государство.

Проект Горного и заводского устава, созданный В. Н. Татищевым в 1734—1735 гг., еще с начала XIX в. привлекал внимание историков [см., например: Герман, с. 151—157; Попов, с. 144; Павленко, 1953, с. 154—157; Маньковский; Торопицын, с. 41—42]. Исследователи как правило ограничивались изложением основных положений проекта с разной степенью подробности. В то же время истории возникновения замысла устава и специфике воплощения было уделено гораздо меньше внимания. Отчасти это не случайно: источники по истории устава оказались рассредоточены по архивохранилищам Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Постараемся восполнить существующий историографический пробел¹.

В 1733 г. В. Н. Татищев, будучи членом Монетной конторы в Москве, оказался под следствием, в результате которого он признался в получении довольно крупной взятки. Как отмечал А. И. Юхт, «Татищев взывал к “милосердию и милости” Анны Ивановны и просил учесть его труды в монетном деле и на уральских заводах... Он обещал “впредь с крайнею возможностью и радением всеми мерами прилежать, чтоб такое мое погрешение е. и. в. заслужить, колико Бог разума и силы уделит изволит”» [Юхт, 1985, с. 260].

В январе 1734 г. Татищев прибыл в Петербург [см.: Там же, с. 264]. 10 февраля этого же года, как свидетельствует черновой журнал Татищева за февраль — март 1734 г., он был принят Анной Иоанновной, которая объявила ему, «чтоб он ехал в Казанскую и Сибирскую губернии для надзирания и размножения заводов горных на место генерала-поручика Генина». При этом императрица указала, что Татищев должен быть «токмо под властью Кабинета». Президенту Коммерц-коллегии П. П. Шафирову предписывалось написать для Татищева «инструкцию например» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 512, л. 554].

Татищев первоначально «ехать никакой охоты не имел». Однако после повеления императрицы, а также обещания соответствующей помощи со стороны кабинет-министров А. И. Остермана и А. М. Черкасского [см.: РГАДА, ф. 248, д. 1133, л. 288] он отнесся к порученной ему миссии «со всякою верностию и

¹ Некоторые предварительные наблюдения были изложены нами в 2010 г. [см.: Киселев, с. 26—30].

прилежностью» и 12 февраля подал в Кабинет Е. И. В. на имя Анны Иоанновны доношение из 6 пунктов о необходимости принятия решений по вопросам, связанным с его отправлением «в Сибирь для размножения горных заводов». Татищев предлагал: 1) взять в казну заводы А. Н. Демидова в Томском и Кузнецком уездах, так как именно там следовало «наибольшее сокровище искать»; 2) «исправить» дорогу к Нерчинским заводам; 3) с целью борьбы с «оскудением» лесов рядом с казенными заводам часть казенных «мануфактур» («жестеная, проволочная, дощатая, розрезная, плащильная, стальная, укладная и протчие тому подобные») отдать с определенными условиями «партикулярным людям»; 4) для «добротоу совета» назначить при Татищеве заместителя — «товарища достойнаго, которой бы и без меня по определениям провести и содержать оное заводы мог». Пятый и шестой пункты были посвящены решению кадровых вопросов [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 512, л. 508—510].

15 февраля Татищев был вызван в Кабинет «для совета, что потребно», где он повторил просьбу об «определении» к нему «добротоу товарища» и предложил три кандидатуры: советника Экипажмейстерской конторы А. Ф. Хрущова, подполковника кн. С. А. Голицына и артиллерии капитана И. Ф. Глебова. Соответствующий доклад был сделан Анне Иоанновне, которая «по доволному розсуждению изволила к тому определить советника Хрущова» [Там же, л. 554 об.]. Татищев старался заполучить себе в заместители кого-то из числа перспективных администраторов, и его выбор едва ли можно назвать случайным: впоследствии Голицын дослужился до должности московского губернатора, а Глебов — киевского генерал-губернатора; Хрущев стал «конфидентом» А. П. Волынского, ввиду «дела» которого его успешная карьера оказалась прерванной.

25 февраля Татищеву была передана из Коммерц-коллегии инструкция, чтобы он ее «высмотрел», а 3 марта Шафиров подал ее императрице, которая передала ее кабинет-министрам, «чтоб объявили Татищеву и сочинили как надлежит» [Там же, л. 555]. Шафировская инструкция была довольно краткой. Она состояла из 6 пунктов. По ней Татищеву предписывалось принять на Урале «всю команду заводскаго и обер-бергамского правления» у генерала-лейтенанта В. И. Геннина, должным образом заниматься управлением казенными заводами, «иметь прилежное смотрение» над «тамошними» частными заводами, «освидетелствовать» нормы работы для приписных крестьян, а также присланный от Геннина новый заводской штат. При этом Татищеву следовало по вопросам управления «писать» в Коммерц-коллегию [см.: Там же, л. 515—516 об.]. Таким образом, Татищев оказывался подведомствен Коммерц-коллегии, что противоречило повелению Анны Иоанновны от 10 февраля быть «токмо под властью Кабинета». В связи с этим 3 марта Татищева «призвали» в Кабинет, где определили, что в соответствии с указанием императрицы ему следует «репортоват... толко в Кабинет». Кабинет-министров не устроил шафировский проект инструкции, и Татищеву было поручено написать «по своему розсуждению» новый проект, каковой был им подан 12 марта [см.: Там же, л. 555].

Кабинет-министры желали как можно быстрее отправить Татищева на Урал, о чем свидетельствует небольшая черновая записка, сохранившаяся в бумагах

Кабинета. Для «скорого отправления» Татищева следовало, помимо прочего, дать предписание Сенату, «чтоб его [В. Н. Татищева] требования выслушали и скорое решение учинили» [РГАДА, ф. 248, л. 16]. 12 марта Анна Иоанновна подписала соответствующий указ Сенату [Сборник..., с. 63]. Кроме того, надо было окончательно решить вопрос с «отпущением вины» Татищеву [РГАДА, ф. 248, д. 1133, л. 16], что было также сделано другим указом от 12 марта [Опись..., с. 336].

Уже 14 марта Татищев подал в Сенат доношение, где писал, что в данной ему «инструкции написано: взять с собою для сочинения вновь и поправления прежних ланд-карт двух добрых геодезистов и при каждом способных учеников», об определении которых и просил у Сената. Отметим, что к 14 марта инструкция Татищеву еще не была официально утверждена. Более того, татищевский проект, поданный 12 марта, был «слушан» в Кабинете «через три дни» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 512, л. 557, 555], т. е. 15–16 марта. Уже в п. 13 официально утвержденной инструкции, который был посвящен «сочинению всей Сибири исправных ланд-карт», Татищеву предписывалось «требовать от... Сената сколько потребно искусных геодезистов с учениками и сочиненными картами» [ПСЗРИ, т. 9, № 6559, с. 293], т. е. было текстуальное расхождение с цитатой из «инструкции» в доношении от 14 марта. Таким образом, Татищев был столь уверен в своих полномочиях, что ссылаясь в доношении Сенату на проект как на утвержденную инструкцию.

15 или 16 марта новый проект инструкции обсуждался в Кабинете при участии Татищева. После внесенных поправок проект был доложен императрице, которая «повелела прибавить» некий «пункт и переписать набело» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 512, л. 555–555 об.]. 23 марта окончательный вариант инструкции из 22 пунктов был подписан Анной Иоанновной.

Татищевский проект инструкции нами не найден. Неизвестно, сохранился ли он. Определенные представления о его замысле может дать небольшая собственноручная записка Татищева, озаглавленная «В инструкции нужное». В качестве «нужного» было написано 8 пунктов: 1) «о распорядке работ на крестьян»; 2) «о вольных работниках»; 3) «о суде и судьях»; 4) «о статье»; 5) «о повышении ис писарей на упалые места как при заводах, так и при канце[лярии]»; 6) «о зборе десятины»; 7) «о продаже припасов»; 8) «о отдаче мануфактур» [Там же, л. 512]. Следовательно, пп. 1 и 4 были созвучны пп. 6 и 7 шафировского проекта, а п. 8 — п. 3 из татищевского доношения от 12 февраля. Предложений об «уставе» эта записка не содержала.

Если рассматривать вопрос об источниках официального текста инструкции, то часть ее пунктов можно связать с проектом Шафирова, а часть — с предложениями Татищева, которые сохранились в его черновых бумагах.

Положение о создании «устава» содержалось в 18-м пункте, для которого за основу был взят 4-й пункт проекта Шафирова, где Татищеву предписывалось контролировать деятельность частных заводов, «дабы на заводах их медь плавилась и железо делалось и в протчем поступано было все по горному порядку». Согласно шафировскому проекту, у заводчиков должна была быть «верная записка» о выплавке меди и чугуна, «с чего в казну... положена пла-

тить десятина». Для контроля за «запиской» предлагалось «определить к тому особливых надзирателей». Дополнительно Татищеву следовало смотреть, чтобы не было продажи «военных орудиев к пограничным народам» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 512, л. 515 об. — 516]. В процессе создания окончательного текста инструкции этот пункт подвергся существенной переделке и был расширен. По п. 18 Татищеву предписывалось не просто заботиться о некоем «горном порядке». Он должен был «иметь... смотрение, чтобы... заводы по надлежащему строили и размножали, медь и железо делали как наилучше возможно, а негодного б железа и нечистой меди в продажу и отпуска не употребляли... в заплате с мастерами правильно поступали, и лишнюю передачею мастеров друг от друга, також и беглых крестьян не приманивали». Агент, призванный следить за выплавкой меди и чугуна, «с чего десятое берется», превратился в «шихтмейстера», которому следовало дать инструкцию, «применяясь ко учреждению Саксонских и Шведских заводов». Положение о запрете на торговлю «военными орудиями» было оставлено [ПСЗРИ, т. 9, № 6559, с. 294]. Таким образом, при создании п. 18 был произведен синтез довольно узкого понимания казенного интереса — взимание налогов и непродажа оружия — и представлений о должном и разумно устроенном порядке на частных заводах, который должно навязывать государство.

Отметим, что норма о введении шихтмейстеров на частных заводах отсылала к предложению Татищева 1721 г. Согласно его доношению от 28 февраля 1721 г. в Берг-коллегию, шихтмейстеров следовало назначить на частные заводы для «надзирания» за рабочей силой, чтобы платилось жалованье, содержалось «указное число» работников, а также должным образом принимались новые работники [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 6, л. 66; Юхт, 1976, с. 152—154]. В этом же доношении Татищев предполагал для «горного начальства» возможность принуждать частных заводчиков к «доброму порядку» и ограничивать конкуренцию между ними [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 6, л. 65 об.—67]. Таким образом, можно с полным основанием второй элемент отмеченного синтеза связать со взглядами Татищева. Как отмечал А. И. Юхт, «уже в начале 20-х годов XVIII в. Татищев высказался за регламентацию частной инициативы в промышленном строительстве». Он отводил «государству решающую роль в руководстве и политическим, и экономическим развитием России. Из этого тезиса вытекала необходимость активного вторжения государственных органов власти во все сферы хозяйственной жизни» [Юхт, 1976, с. 153, 154].

В конце п. 18 было помещено следующее положение: «А понеже о том [о распрях между промышленниками] еще обстоятельных и довольных уставов, за новостию того дела, не имеется, а впредь без того миновать не возможно: того ради, по рассмотрению надлежащих указов и по причине приключившихся или впредь чаемых распрь между заводчиками и мастерами, в делах, к заводам принадлежащих, сочинить устав, к которому для совета созвать самих промышленников или прикащиков, и ной прислать к Нам [императрице] для рассмотрения» [ПСЗРИ, т. 9, № 6559, с. 295]. Кто был автором этого положения? А. М. Сафронова утверждает, что «Татищев знал, что на Урале ему предстоит разработка законодательства, регламентирующего взаимоотношения

государства и частных заводчиков. По своей инициативе Татищев взялся за это, включил специальный пункт о составлении законов в инструкцию о своих обязанностях, подписанную в марте 1734 г. императрицей Анной Иоанновной...» [Сафронова, с. 200]. Однако сохранившиеся черновые бумаги Татищева не дают прямого ответа на этот вопрос, в связи с чем однозначно нельзя приписать это положение одному Татищеву. Предложение поучаствовать в законодательной деятельности скорее всего могло исходить либо от кабинет-министров, либо от императрицы, как это было с проектом инструкции. Кроме того, следует указать на некоторую узость предполагаемого «устава»: он касался по преимуществу распрей между промышленниками. Вероятно, это было связано с возможными земельными спорами между заводчиками, которые уже дали себя знать к началу 30-х гг. XVIII в. [см.: Корепанов, 2006, с. 205, 222–223]. Кабинет министров получал информацию об Уральских заводах от В. И. Геннина, в связи с чем и могло возникнуть предложение о создании такого «устава».

После получения 23 марта инструкции Татищев был готов в тот же день отправиться в поездку. Однако его задержала императрица. Только на следующий день он был «отпущен от ея импер[аторского] величества совсем, при котором изволила взять к себе в спальную и приказывать в надзирании над прочими и пр.» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 512, л. 556].

В декабре 1734 г. Татищев в соответствии с п. 18 инструкции созвал в Екатеринбург заводчиков и приказчиков для работы в комиссии по сочинению устава. Ее открытие состоялось 12 декабря. «В первом собрании» комиссии была объявлена через секретаря Ивана Зорина подготовленная речь Татищева [см.: Герман, с. 151], в которой он просил, чтобы члены комиссии «со всяким прилежанием о том потрудились, Указы и определения, до днесь учиненные и в закон введенные рассмотрели, також случаи враждам, кто о котором знает или быть чае, себе записывали и в общем собрании всегда с мнением объявляли» [Там же, с. 153]. Отметим, что Татищев к открытию «учрежденной к сочинению Горного устава комиссии» подготовил проект нескольких глав устава. Такой вывод можно сделать на основании того, что заводчики и приказчики подавали мнения на «объявленные им пункты о разсуждении к сочинению Горного устава». 20 декабря 1734 г. состоялось «общее собрание», на котором «Татищев с товарищи и купно с компанейщики и прикащики» обсудили и согласовали 1-ю главу устава, состоявшую из 21 пункта и касающуюся «прииска руд» [Мнение общее..., с. 23–43]. После этого, вероятно, заводчики и приказчики разъехались из Екатеринбурга, и их непосредственное участие в работе комиссии на время приостановилось. Как отмечает Н. С. Корепанов, «весной и летом 1735 г.» им «предложено было высказать письменные пожелания по поводу проекта Устава», а в августе 1735 г. состоялось их следующее собрание в Екатеринбурге [см.: Корепанов, 2001, с. 66], т. е. законотворческая работа заводчиков и приказчиков шла неспешно.

В то же время под руководством Татищева шла работа управленцев горного ведомства над другими частями устава. Татищев так описывал свою работу и работу своих подчиненных над уставом: «По 2 дни в седмицу собираясь,

советуем и рассуждаем, дабы устав так сочинить, чтоб впредь меньше н[ад]зирания и указов требовалось, а от хищений и коварств безопаснее б[ы]ть могли» [Татищев, 1990, с. 207]. Естественно, что при такой интенсивности работы над законопроектом по регламентации казенной горной администрации горные управленцы под руководством Татищева добились значительных успехов: примерно за полгода (с декабря 1734 по июнь 1735) были сочинены вводная часть и 8 глав, состоящих из 170 пунктов и частей, и на этом работа не заканчивалась. В 1737 г. Татищев писал, что «заводские управители, надзиратели счетов, лесов и припасов и многие другие» ведут дела по «старым инструкциям и посланным указам», однако из-за неполноты инструкций и изменения обстоятельств «видно, что не без конфузии». Он констатировал: «Мы на посланное начало заводского устава (выделено нами. — М. К.) определения ожидая и не видя, что переменено в тех главных должностях будет, описывать и их за ненарушимые издать не могли», при этом «заводской камисар Бекетов, сочиняя, например, такие должности, частию не надлежащее положил, частию нужное оставил, которые, почитай, совсем не годятся». Сам же Татищев «оныя все написать времени уже не имел, да и сочинить их без совета всех управителей трудно». В связи с этим он предписывал собрать «от горных начальств и всех заводов от управителей... обстоятельные изъяснения» об указах и инструкциях, по получении которых следовало, «собрав здесь в совет, кого можно и за полезно признаете... оныя должности сочинить» [Там же, с. 253].

26 июня 1735 г. Татищев отправил на конфирмацию императрице законопроект. Он сообщал Анне Иоанновне, что по данной ему «инструкции часть устава за[водского] и горного, колико возможность и время допустило, сочиняя, при сем... посылаю» [Там же, с. 196]. При этом писал о «первой и второй части» данного устава. Этим же числом он отправил письмо А. И. Остерману и А. М. Черкасскому, в котором уточнял: «Устава часть, сколько ума стало, сочиняя, первой части о должностях управителей 8 глав для розсмотрения при сем посылаю» [Там же, с. 197].

В ходе архивных изысканий нам удалось найти подлинник проекта, отправленного Татищевым в Кабинет. К упомянутым 8 главам Татищевым был приложен ряд материалов, которые позволяют конкретизировать его законотворческий замысел.

Проект был озаглавлен как «Устав горной и заводской, сочиненной например» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 69, л. 13]. Проект открывался «рописью», т. е. планом. По нему устав состоял из 5 частей: 1) «...описаны должности всех надлежащих чинов до главного правления»; 2) «О заводских начальствах»; 3) «О мастерах»; 4) «О рудах и землях»; 5) «О портекулярных промышленниках». Части делились на главы, а главы — на пункты. Части 1—3 должны были быть посвящены регламентации деятельности казенных заводов начиная от «главного заводов правителя или концелярии» и кончая неквалифицированными работниками на производстве.

Части 4 и 5 касались частных промышленников. Суммарно они насчитывали 11 глав (5 и 6 соответственно). 4-я часть регулировала вопросы рудоискательства, поиска руд, отвода земель для добычи руд, строительства заводов,

а также рубки леса, 5-я часть должна была описывать порядок функционирования частных заводов. В 1-й главе следовало описать «должность промышленника», 2-ю посвятить «наследству», а 3-ю — «прикащикам». «Распряж», о которых говорилось в инструкции 1734 г., было отведено 2 главы: 1) «о распряж между промышленниками во всех горных делах» и 2) «между промышленниками и прикащиками». Последнюю главу следовало посвятить «приграничным заводам».

В примечаниях к проекту Татищев указал на один из источников, который был использован при сочинении проекта — «устав цесарский в королевстве Богемском», изданный «чрез Спана» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 69, л. 95]. Действительно, среди книг Татищева, привезенных на Урал, значилось сочинение Спана «Устав горный». Это была «книга С. Спана, известного немецкого юриста XVII в., «Speculum Juris Metallici, oder Berg-Rechts Spiegel» («Горно-правовое зеркало»), которая «представляла собой капитальное издание “в двойку” (Дрезден, 1698)» [Сафронова, с. 200]. Татищев заимствовал некоторые положения из сочинения Спана. В частности, первая глава татищевского устава была «ис... цесарского устава как должность обер-минц-мейстера описана». Едва ли это было слепое заимствование. Помимо прочего, ссылкой на иностранный пример Татищев мог оправдывать те обширные полномочия, которые прописывались в первой главе для «главного заводов правителя». Предвидя возможные возражения, он предлагал, «ежели на имя главного правителя не угодна, то можно оное ж обратиться на имя канцелярии» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 69, л. 95]. Таким образом, если бы в Кабинете нашли, что предлагаемые полномочия для Татищева слишком велики, то их должна была получить канцелярия Главного заводов правления.

Кроме того, как свидетельствуют татищевские «примечания на представленной Горной и заводской устав», при сочинении проекта Татищевым было довольно полно учтено современное ему законодательство, как специально посвященное горному делу, так и общеимперское. При этом Татищев мог не просто копировать соответствующие нормы, но и в некоторой степени видоизменять в соответствии со своими взглядами.

Так, во 2-м пункте главы 1 проекта было определено, что если «из офицеров и шляхетства впадет в такое прегрешение, что по законам надлежит лишить чести, или живота», то после суда следовало отправить соответствующую «выписку» императрице «для рассмотрения и, доколе указ прислан будет, оно-го содержать под караулом» [Горнозаводской, с. 211]. Татищев сделал следующее указание на источник такой нормы: «Офицеров и шляхетства чести и живота без известия ея величества не лишать и не пытать написано в Процесе военном в главе 6, в инструкции ж генеральной щетной комиссии в статье 10, что все обретающиеся о рангах за шляхтичей почитаются в Табели рангов статья 15-я» [РГИА, ф. 468, оп. 18, д. 69, л. 95]. Действительно, в 6-й главе Устава воинского 1716 г. было определено, что «в правах последующие от пытки изъяты суть, яко шляхта, служители высоких чинов... Все сии никогда к пытке подвержены не бывают, разве в государственных делах и в убийствах, однакож с подлинными о том доводами» [Памятники..., с. 598]. Также в ст. 10

инструкции Генеральной счетной комиссии от 7 мая 1733 г. было напечатано, что «кто явится в краже и в прочем в каком-либо воровстве и по правам государственным подлежать будут розыску, теми розыскивать, кроме таких, кои состоят в классах, о которых также, буде кто явится в каких криминальных делах, хотя и ранга не имеет, а по правам подлежать будет смерти, о таких докладывать» императрице [ПСЗРИ, т. 9, № 6392, с. 119]. Таким образом, в актах, на которые ссылался Татищев, не фигурировало понятие чести; инструкция Генеральной счетной комиссии формально касалась только ее деятельности. Также следует отметить, что получившаяся в результате норма устава в некоторой степени напоминала 5-й пункт «кондиций» Верховного тайного совета 1730 г.: «У шляхетства живота и имения и чести без суда не от[ъ]имать[ь]» [Протокол, с. 119]. Тем не менее Татищев счел нужным и возможным предложить такую норму, защищавшую «шляхетство» и «офицеров» (каковые также относились к «шляхетству» по Табели о рангах) от лишения «жизни» и «чести» без санкции императрицы. Очевидно, это отвечало татищевским взглядам на дворянство как на «главный и честнейший стан государства» [Татищев, 1979, с. 255].

Позволим себе не заниматься пересказом 8 глав проекта, отправленных Татищевым. В определенной степени это было сделано еще Г. И. Маньковским [см.: Маньковский, с. 107–124]. Укажем только на следующее обстоятельство. Историки отмечали, что Татищев, отправляясь в 1734 г. на Урал, получил довольно обширные полномочия [см.: Павленко, 1953, с. 154]. Такое положение опиралось только на личную инструкцию императрицы Татищеву от 23 марта 1734 г. В предлагаемом проекте Татищев решил институционализировать свое положение и положение своих подчиненных в данном проекте устава, по которому Канцелярия Главного заводского правления, бывшая де-факто Берг-коллегией, де-юре превратилась бы в государственный орган коллежского уровня во главе с Главным заводов правителем [Горнозаводской, с. 210]. Как отметил С. М. Томсинский, характеризуя проект, «с известной оговоркой можно утверждать, что здесь образовывалось своеобразное государство в государстве» [Томсинский, с. 68]. Фактически Татищев попытался создать на Урале центральный государственный орган.

Таким образом, Татищев предполагал вместо устава, который бы урегулировал «распри» между заводчиками, ввести в действие всеобъемлющий Горный и заводской устав, регламентировавший управление как казенными заводами, так и частными. Активно используя в качестве строительного материала нормы современного ему российского права и иностранного права, Татищев попытался воплотить в законодательстве собственный идеал должного управления. При этом в проекте получил выражение не только узкий технический идеал управления заводами, но и более широкий, относившийся к обществу и государству в целом. В проекте можно было найти как идеал управления по «законам» [см.: Горнозаводской, с. 211–212], так и утверждение особого положения «шляхетства».

Татищев допускал для себя возможность проявить такую «пржектерскую» смелость. Вероятно, это было связано с уверенностью в полной поддержке

со стороны кабинет-министров, которая проявилась при его отправке на Урал в 1734 г. Сам Татищев отмечал, что «когда Ее императорское величество по всевысокой Ея воли повелела» быть на Урале, а кабинет-министры А. И. Остерман и А. М. Черкасский «по прежней ко мне и природной ко всем показуемой м[и]л[о]сти меня тем и всегдашним от нападок засчисчением, а в положенном на меня деле помосцию м[и]л[о]стивно обнадежили, и потом я не токмо с охотою ехал о исполнении повеленного и приобретении великой Ея императорского величества прибыли никоего сумнения не имел, и забыв все мои слабости и собственной покой и приобретение с крайнею возможностью и радением спешил, как бы наискоряе оное действием показать, заводы, как казенные, так и подданных Ея величества розмножить и в добром порядке содержать, а правилами и учреждениями прежде вкравшиися вреды и непорядки присечь» [РГАДА, ф. 248, д. 1133, л. 288].

Восемь глав, отосланных на конфирмацию императрице, были подписаны только чиновниками горного ведомства [см.: Предисловие..., с. 208]. В то же время часть устава, касавшаяся регулирования деятельности частных заводчиков, к 1737 г. состояла из 5 глав, насчитывавших 84 пункта, и части различной степени готовности [Мнение общее..., с. 24–91], значительно уступала по степени разработанности и завершенности проекту регламентации деятельности казенной горной администрации. Более того, составление отправленных в Петербург 8 глав прошло без участия заводчиков и приказчиков. Им были «объявлены и читаны» уже посланные для апробации императрице «учиненные о Горном уставе... 8 глав» [«Мнение» участников, с. 128]. При этом в отмеченных главах содержалось положение, которое непосредственным образом затрагивало интересы заводчиков. В соответствии с пп. 7–15 гл. 5 Татищев хотел увеличить налоги с частных заводов. В частности, «с медных, железных, свинцовых и прочих металльных заводов» надлежало брать «десятину» не с прибыли, а «от числа сделанного в готовности» [Горнозаводской, с. 235], что должно было повысить налоги в несколько раз. Данное увеличение сборов было предусмотрено в инструкции от 23 марта 1734 г., согласно п. 19 которой Татищеву предписывалось «положить» на промышленников «сверх десятого от прибыли» плату за использование государственной земли, недр и лесов и прислать проект «для апробации» [ПСЗРИ, т. 9, № 6559, с. 295]. Татищев исполнил предписание, включив один проект в состав другого, более объемного.

29 октября 1735 г. Татищеву был дан из Кабинета именной указ, где, помимо прочего, было написано: «Присланные от вас, заводские, устав, штат и инструкция Шихтмейстерская, здесь еще не разсматриваны, а по рассмотрении, когда апробованы будут, то оные пришлются к вам впредь» [Там же, № 6831, с. 598]. Кабинет-министры не спешили рассмотреть и рекомендовать к утверждению присланные Татищевым документы, и на это были свои причины.

11 марта 1735 г. крупнейшие уральские промышленники подали на имя Анны Иоанновны прошение, в котором просили ограничить полномочия шихтмейстеров [Павленко, 2003, с. 195–197]. Также в мае 1735 г. Коммерц-коллегия дала отрицательное заключение по Наказу шихтмейстеру, обозначив, что «в протчем же промышленников и мастеров, по мнению Коммерц-коллегии,

надлежит оставить в их воле и от многих отягощений в той инструкции уволить надлежит» [Павленко, 2003, с. 201–202]. В результате 12 декабря 1735 г. Кабинет приказал ликвидировать институт шихтмейстеров при частных заводах [ПСЗРИ, т. 9, № 6840, с. 607]. Заводчики, ознакомившись зимой 1736 г. с отправленными Татищевым восьмью главами проекта устава, писали в Кабинет о том, что «в Уставе написано тяжело» о сборе десятины [см.: Торопицын, с. 215–216]. 15 апреля 1736 г. бароны Строгановы и А. Н. Демидов смогли добиться, чтобы их заводы «ведали по-прежнему в Коммерц-коллегии» [ПСЗРИ, т. 9, № 6938, 6939, с. 798–799]. Это было серьезным административным поражением Татищева, подрывавшим его проект Горного и заводского устава. Какой был смысл в создании на Урале главного горного ведомства, если ему не подчинялись крупнейшие частные заводчики?

Сам Татищев полностью понимал значение своего поражения. 21 августа 1736 г. он писал в Кабинет: «Я от крайней глупости, хотя ни из коей собственной прихоти или злости против воли и намерения Ея императорского величества, безумно так великих и сильных людей господ баронов Строгановых и дворянина Акинфея Демидова к жалобам на меня и утруждению Ея императорского величества и вашего сиятельства подвигнул, и за то вижу, что достойно так тяжким гневом наказан и обещаной м[и]л[о]сти и помосчи вашего сиятельства видя себя лишена, в страх крайней погибели и отчаяние всякого благополу[чия] пришед, ничего начать, ниже представить смею, розсудя, что уже мое безумство неоднова м[еня] обмануло» [РГАДА, ф. 248, д. 1133, л. 288]. Административный энтузиазм завершился административным отчаянием. Надежды на полное покровительство со стороны кабинет-министров не оправдались.

Кроме того, в это время намечались изменения в управлении горным ведомством, которые были направлены на создание центрального органа в столице. Еще осенью 1734 г. А. И. Остерман сообщил саксонскому послу в Петербурге о желании императрицы выписать из Саксонии специалиста для осмотра горного дела в России [см.: Weber, S. 304]. В конце весны 1736 г. в Петербург прибыл камергер польского короля и обер-берггауптман барон Курт Александр фон Шемберг, который был принят в российскую службу. По именному указу от 4 сентября 1736 г. «правление горных и рудокопных дел и заводов» передавалось в учреждаемый Генерал-берг-директориум с Шембергом во главе. Татищев должен был быть «под ведомством того же Шемберга» [ПСЗРИ, т. 9, № 7047, с. 919]. Судьба проекта устава оказалась в руках Шемберга, который решил «провести его дополнительную экспертизу на предмет, “могут ли те проекты в действо произведены быть”» [Смирнов, с. 1994]. В итоге устав Татищева остался без движения, а инициатива в области подготовки законопроектов о горном деле перешла к Шембергу, одним из результатов которой стал Берг-регламент 1739 г.

В 1734 г., отправляясь на Урал, В. Н. Татищев находился на пике своих властных полномочий. Он был благосклонно принят императрицей, ему было обещано покровительство со стороны кабинет-министров. Это создало благоприятные условия для проявления Татищевым административного энтузиазма, включавшего в себя и реализацию собственных взглядов о должном управлении

в нормативных актах. В результате вместо устава для предотвращения «распрей» между заводчиками им был предложен объемный Горный и заводской устав, подробно регламентировавший деятельность казенных горных заводов — от Главного начальника до рабочего, — и регулировавший частное горное предпринимательство — от поиска руд до функционирования заводов.

Из действовавших законодательных актов первой трети XVIII в. проект Горного и заводского устава Татищева по своему объему, общим принципам и уровню продуманности регламентации можно сопоставить с Генеральным регламентом 1720 г. и Адмиралтейским регламентом 1722 г. Эти правовые памятники объединяла вера в регламентацию как в действенное средство по строительству идеального механизма — государства, которое бы через эту регламентацию обеспечило «всеобщее благо». Пример описания государства как идеального механизма можно найти в мемориале Г. В. Лейбница, сохранившемся в бумагах Петра I: «Яко в часах одно колесо другим движется, тако и в болших статских часах один Колегиум другим движится имеет. И когда все в исправной пропорции и ближнем согласии находятся, то инако быть не может, как указательник мудрости земле счастливые часы казать будет» [цит. по: Воскресенский, с. 270; см.: Petersen, p. 59–60]. М. Раев следующим образом резюмировал такие механистические представления о государстве в Европе XVII в.: «Подобно тому, как Божественный Творец привел в движение хорошо отлаженный механизм природы и обеспечивал его работу посредством рациональных законов, правитель должен был вводить в действие законы и правила, которые придавали бы обществу определенную форму и направляли бы его по правильному пути» [Раев, с. 55; ср.: Шмитт, с. 144–182; Филиппов]. Татищев, который был инженером-артиллеристом, чиновником и ученым в одном лице, являл собой идеальный пример обладателя таких взглядов.

Однако при реализации своих административных планов на Урале Татищев сильно задевал интересы местных «сильных людей» — А. Н. Демидова и баронов Строгановых. В итоге конфликта Татищев потерпел административное поражение, и его проект Горного и заводского устава не получил утверждения. Попытка насадить рационалистическую схему без учета интересов влиятельных персон в регионе обернулась поражением схемы.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1 : Акты о высших государственных установлениях. М. ; Л., 1945. [Voskresenskij N. A. Zakonodatel'nye акты Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. T. 1 : Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh. M. ; L., 1945].

Горнозаводской устав («Заводской устав» В. Н. Татищева) // Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 6 (154) : К истории горного дела. М., 2003. [Gornozavodskoj ustav («Zavodskoj ustav» V. N. Tatischeva) // Sb. Rus. ist. o-va. T. 6 (154) : K istorii gornogo dela. M., 2003].

ГАСО. Ф. 24. [GASO. F. 24.].

Киселев М. А. К истории «Заводского и Горного устава» В. Н. Татищева // Восьмые Татищевские чтения : доклады и сообщения, Екатеринбург, 27–28 мая 2010 г. Екатеринбург, 2010. [Kiselev M. A. K istorii «Zavodskogo i Gornogo ustava» V. N. Tatischeva // Vos'mye

Tatischevskie chteniya : doklady i soobscheniya. Ekaterinburg, 27–28 maya 2010 g. Ekaterinburg, 2010].

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург, 2001. [Korepanov N. S. V rannem Ekaterinburge (1723–1781). Ekaterinburg, 2001].

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. [Korepanov N. S. Gennin na Urале. Ekaterinburg, 2006].

Мнение общее заводских компанейщиков и их прикащиков о разсуждении к сочинению Горного устава по инструкции господина действительного статского советника Татищева // Ист. архив. IX. М., 1953. [Mnenie obschee zavodskikh kompanejshchikov i ikh prikaschikov o razsuzhdenii k sochineniyu Gornago ustava po instruksii gospodina dejstvitel'nago statskago sovetnika Tatischeva // Ist. arkhiv. IX. М., 1953].

«*Мнение*» участников совещания о Заводском уставе // Ист. архив. IX. М., 1953. [«Mnenie» uchastnikov soveschaniya o Zavodskom ustave // Ist. oricheskij ar-khiv. IX. М., 1953].

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в с.-петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2 : 1725–1740 / сост. П. Баранов. СПб., 1875. [Opis' vysochajshim ukazam i poveleniyam, khranyaščimsya v s.-peterburgskom senatskom arkhive za XVIII vek. T. 2 : 1725–1740 / sost. P. Baranov. SPb., 1875].

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века (промышленная политика и управление). М., 1953. [Pavlenko N. I. Razvitie metallurgicheskoj promyshlennosti Rossii v pervoj polovine XVIII veka (promyshlennaya politika i upravlenie). М., 1953].

Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 6 (154) : К истории горного дела. М., 2003. [Pavlenko N.I. «Nakaz shikhtmejsteru» V. N. Tatischeva // Sb. Rus. ist. o-va. T. 6 (154) : K istorii gornogo dela. М., 2003].

Памятники русского права. Вып. 8 : Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. М., 1961. [Pamyatniki russkogo prava. Выр. 8: Zakonodatel'nye акты Petra I, pervaya chetvert' XVIII v. М., 1961].

ПСЗРИ. Собр. 1: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. [PSZRI. Sobr. 1: s 1649 po 12 dekabrya 1825 g. SPb., 1830].

Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М., 1861. [Popov N. A. V. N. Tatischev i ego vremya. Epizod iz istorii gosudarstvennoj, obschestvennoj i chastnoj zhizni v Rossii, pervoj poloviny proshedshego stoletiya. М., 1861].

Предисловие к первой публикации «Заводского устава» Татищева // Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 6 (154). [Predislovie k pervoj publikatsii «Zavodskogo ustava» Tatischeva // Sb. Rus. ist. o-va. T. 6 (154)].

Протокол заседаний Верховного тайного совета, содержащий решение об избрании на российский престол царевны Анны Иоанновны и утвержденный верховниками текст предъявляемых ей «кондичий». 19 января 1730 г. // Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. [Protokol zasedanij Verkhovnogo tajnogo soвета, soderzhaschij reshenie ob izbranii na rossijskij prestol tsarevny Anny Ioannovny i utverzhdennoj verkhovnikami tekst pred'yavlyаемых ей «konditsij». 19 yanvarya 1730 g. // Kurukin I. V., Plotnikov A. B. 19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobytiya, lyudi, dokumenty. М., 2010].

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVI–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология. Самара, 2000. [Raev M. Regulyarnoe politsejskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVI–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podkhoda k probleme // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij pe-riod : antologiya. Samara, 2000].

РГАДА. Ф. 248. [RGADA. F. 248].

РГИА. Ф. 468. [RGIA. F. 468].

Сафронова А. М. Передача Татищевым книг в пользу Уральских заводов в 1734 г. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2009. № 1/2 (63). С. 197–209. [Safronova A. M. Peredacha Tatischevym knig v pol'zu Ural'skikh zavodov v 1734 g. // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2009. N 1/2 (63). S. 197–209].

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 108. Юрьев, 1900. [Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 108. YUr'ev, 1900].

Смирнов С. С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994. [Smirnov S. S. Pripisnye krest'yane na gornyykh zavodakh Urala. Chelyabinsk, 1994].

Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. [Tatischev V. N. Zapiski. Pis'ma. M., 1990].

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. [Tatischev V. N. Izbrannye proizvedeniya. L., 1979].

Томсинский С. М. Урал в русской публицистике и законодательстве первых десятилетий XVIII века. Пермь, 1959. [Tomsinskij S. M. Ural v russkoj publitsistike i zakonodatel'stve pervyykh desyatiletij XVIII veka. Perm', 1959].

Филиппов А. Ф. Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии. Ст. 1 // Отеч. зап. 2012. № 2 (47). [Filippov A. F. Politsejskoe gosudarstvo i vseobshee blago. K istorii odnoj ideologii. St. 1 // Otech. zap. 2012. N 2 (47)].

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. [Shmitt K. Levafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa. SPb., 2006].

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. [Yukht A. I. Gosudarstvennaya deyatel'nost' V. N. Tatischeva v 20-kh — nachale 30-kh godov XVIII v. M., 1985].

Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Ист. зап. Т. 97. М., 1976. [Yukht A. I. Deyatel'nost' V. N. Tatischeva na Urale v 1720–1722 gg. // Ist. zap. T. 97. M., 1976].

Petersen C. Peter the Great's administrative and judicial reforms. Swedish antecedents and the process of reception. Stockholm, 1979.

Weber K. Der Oberberghauptmann Curt Alexander von Schonberg in Rusland 1736 // Archiv fur die Sachsische geschichte. Leipzig, 1870.

Статья поступила в редакцию 05.09.2012 г.